

СССР: жизнь после смерти

В декабре 2011 исполнилось 20 лет ликвидации Советского Союза. Что осталось в нашей жизни от советского периода? Как видится он из сегодняшнего дня, является ли советское наследие ресурсом сопротивления капитализму или, наоборот, фактором его стабилизации? Подобные вопросы волнуют не только историков и культурологов, они остаются частью актуальных политических дискуссий. По инициативе ИГСО при содействии Фонда Розы Люксембург (RLS) в декабре — январе 2012 года была проведена в два этапа конференция «СССР: жизнь после смерти». Первый этап проводился совместно с отделением культурологии Высшей школы экономики (НИУ-ВШЭ), а второй — в форме круглых столов на базе художественной выставки «Искусство памяти» (площадка Artplay, куратор Валерий Анашвили). Материалы конференции будут опубликованы в отдельной книге (издательство НИУ-ВШЭ при поддержке RLS). Читателю «Левой политики» предлагается три доклада, открывших дискуссию.

Ирина Глущенко

Шесть тезисов об изучении советского

1.

Исполнилось двадцать лет, как мы живем без Советского Союза. Прошла целая историческая эпоха, и уже успело вырасти поколение, Советско-

го Союза не заставшее. Еще недавно казалось, что советский период закончился, — в социально-историческом плане, конечно, так оно и есть. Эту эпоху всё чаще называют «советской Атлантидой». Однако на эмоциональном уровне не всё так просто...

Советское сознательно культивируется. Интернет полон ностальгических картинок: тут и диафильмы, и игрушки, и трогательные воспоминания о детских играх, пионерах, доброте и отзывчивости, духовности и наполненности, дружбе народов и бескорыстии.

Частичная реабилитация советского, которая началась в 2000-е годы, представляла собой попытку «встроить» советские ценности в капиталистическую реальность. Советские символы превращались в бренды, приемы советской политической пропаганды использовались для коммерческой рекламы. Происходила деидеологизация советских понятий, образы прошлого были лишены социального содержания. Именно поэтому на первый план вышли мультфильмы, картинки, продукты. Они словно парили в безвоздушном, добром, нейтральном пространстве.

Эту тенденцию подхватил рынок. «Советское» опять окружает нас на каждом шагу. Все эти бесчисленные заведения «со знаком качества», товары, изготовленные по «ГОСТУ» (какому ГОСТУ, какой страны?), чебуречные, которые гордятся тем, что у них нет сидячих мест, туалетов, сотрудники хамят, но зато чебуреки вкусные. В одном ресторане используют даже образы НКВД. Это стилизация, игра, эксплуатация символов. Торговцу ведь всё равно, что продавать.

Главное, что есть спрос. Даже наши воспоминания могут быть «услужливой подсазкой ложной памяти», как писал Набоков. Ностальгию начала вызывать даже скука — та страшная, серая, густая, как пыль, скука застойного времени.

Для людей новой эпохи «советское» неожиданно становится своего рода якорем, за который они держатся, чтобы сохранить более или менее прочное представление о своей идентичности.

Сейчас сложился некий стереотип, когда невозможно обсуждать всерьез советское прошлое: любая попытка его спокойно осмыслить расценивается едва ли не как намерение реабилитировать тоталитаризм. Но в то же время у нас появилась гора литературы, которая пытается обелить Сталина, доказать, что террора вообще не было, или воспеть «золотой век» Брежнева.

Можно ли оценивать какую-либо историческую эпоху однозначно? Говоря, например, о сталинских временах, надо иметь в виду трагическую двойственность того периода: с одной стороны, репрессии, с другой — энтузиазм и осознанное и слегка наивное участие людей в создании нового общества. Драматизм эпохи как раз и состоит в сочетании той непомерной цены, которую пришлось заплатить за достигнутый прогресс, и масштабами достижений, плодами которых мы пользуемся до сих пор.

Как считает культуролог Ольга Балла, «историю советской культуры и цивилизации пора выводить из-под ведения идеологии и превращать в нормальный, интонационно спокойный (что, разумеется, не означает — ценностно-нейтральный) исторический и культурологический анализ. Хочется надеяться, например, на то, что наши отношения с советским на-

следием вообще будут критически и конструктивно переосмыслены»¹.

2.

«Советское» следует рассматривать в динамике, а не как статическое целое. Необходимо выделить и осмыслить различные фазы развития. Жизнь сталинской эпохи радикально отличалась от 1960-х годов, а социально-культурный опыт 1960-х годов, несмотря на некоторое бытовое сходство, содержательно был совершенно иным, чем во времена «застоя».

Общие слова о «тоталитарном обществе» вряд ли помогут разобраться даже со сталинским периодом, и тем более заводят нас в тупик, когда речь идет о более поздних временах.

Советское общество эволюционирует от революционной диктатуры через потрясения «великого перелома» к сталинскому тоталитаризму, который не просто смягчается «оттепелью», но и существенно преобразуется, порождая по-своему уникальную пост-тоталитарную практику, когда сфера свободы в обществе стихийно расширяется, разъедавая институты старого порядка, формально сохраняющиеся неизменными.

Эти различия ярко проявляются в сфере культуры, в тех образах, которые мы находим в литературе и кино соответствующего периода, в проблемах, которые волнуют людей. Когда в 1960-е годы происходит реабилитация частной жизни, это воспринимается как своего рода культурное и даже политическое освобождение. А в 1970-е годы частная жизнь становится убежищем от общественного бытия, к которому люди становятся безразличными. Возвращение этого аполитичного индивида в политику в

¹ Интервью с О. Балла «Идеология диетологии» («Знание-сила», в печати).

1980-е годы сопровождалось развалом самого советского общества.

При этом, говоря о советской системе, обычно имеют в виду либо сталинский период, либо брежневский, а принципиальные различия между этапами часто упускают из виду.

3.

Необходимо сосредоточиться не на исключительности советского опыта, а, наоборот, его схожести с мировым.

Так, например, специфика советского кулинарного опыта состоит не в том, что он противостоит мировым тенденциям, а как раз в том, что в СССР эти тенденции были доведены до предела, принимая зачастую гротескные формы.

Принцип машинной организации общества отнюдь не является советским изобретением. Напротив, он продолжает развивать те же концепции, которые зародились еще в Европе в эпоху Просвещения, но наибольшего влияния достигли в США конца 1920-х годов в связи с индустриальными преобразованиями, связанными с именем изобретателя и предпринимателя Генри Форда. Не случайно социологи определяют индустриальную организацию Запада, начиная с этого периода и вплоть до конца 1970-х годов, как фордизм. Художественным воплощением этого принципа стала знаменитая «машина для кормления рабочих» в фильме Чарли Чаплина «Новые времена». В стандартизации и унификации нет ничего специфически «советского». Специфика проявляется, пожалуй, в форме, с которой проводилась эта политика. Следует отметить, что в СССР любая политика проводилась с невероятной последовательностью и настойчивостью, возможной только

в сверхцентрализованной системе, соблюдающей нормы единой идеологии.

4.

Одним из подходов к изучению советского может быть попытка понять его через повседневность, использовать повседневность как инструмент проникновения в «тайну» советского.

В условиях отсутствия публичной политической и идейной борьбы советское общество постепенно деполитизировалось. Это отнюдь не значит, конечно, будто идейных и политических противоречий не было. Но они были в значительной мере скрыты и растворены в сфере культуры и повседневности. Именно поэтому мало в каком обществе повседневно-бытовая сфера жизни играла такую большую роль и занимала так много места в сознании людей, как в СССР. Отсюда и логичность попыток понять и расшифровать «советское» именно через изучение повседневности.

Повседневность в советском контексте всегда связана с большими историческими процессами. Советскую повседневность нельзя рассматривать вне контекста революционных социальных преобразований и модернизационной политики.

Однако быт в контексте советской истории относится не только к сфере индивидуального опыта, но и является частью коллективного бытия социальных групп. Борьба за новый быт оказывалась в сознании советских идеологов одним из важнейших фронтов общей борьбы за новый мир. Отделять бытовую жизнь от производственной было нельзя так же, как недопустимо было бы здесь противопоставлять личное политическому.

«Надо, чтобы каждый понял, что работая на фабрике-кухне или другом каком предприятии или учреждении,

делая какое-нибудь другое нужное дело, он строит, создает и не может, не должен складывать рук, ибо дело, великое дело освобождения человечества не может быть сделано без него»². Это строки из журнала «Работник народного питания», вышедшего в 1919 году. Удивительно, насколько мала дистанция от фабрики-кухни до «большой истории». Удивительно и четкое понимание исторического масштаба происходящих событий.

«На нашу долю – долю работников народного питания и общежитий — выпала, может быть, самая сложная и ответственная задача. Мы должны урегулировать производство питания и, таким образом, фактически спасти пролетариат от физического вырождения. Если мы не справимся с этой задачей, то вся ответственность перед историей падет на нас, ибо только мы окажемся виновными».

Статья заканчивается ясным осознанием того, что повседневная деятельность работников питания является частью исторической драмы. «История, безусловно, осудит всех тех, кто так низко представляет себе дело народного питания. Мы уверены, что пролетариат не пойдет за теми, кто говорит ему о старом, гнилом прошлом. Он пойдет по пути новой эры, по пути строительства новой жизни на коммунистических началах»³.

5.

Советское общество никогда не было однородным. Представление о его однородности культивируется одновременно двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, ностальгические рассказы о совет-

ских людях вообще, которые как будто бы все обладали одинаковыми качествами и возможностями. А с другой – образ серого репрессивного тоталитарного общества, где все являются то ли одинаковыми винтиками, то ли унылыми жертвами системы.

На самом деле советское общество невозможно понять без осмысления существовавшей в нем социальной дифференциации. Тот факт, что дифференциация эта качественно отличалась от капиталистической, отнюдь не означает, будто ее не было.

Изучая советское, важно уточнить, о какой социальной категории идет речь. То ли это советский аналог городского среднего класса – те, у кого с 1930-х годов была комната в коммуналке или как минимум угол; то ли колхозное крестьянство, подвергнутое при Сталине тотальному закреплению; то ли миллионы обитателей барачных лагерей; или, наконец, заключенные, насильственно изъятые из сферы потребления. И не надо забывать о партийно-государственной номенклатуре и связанных с ней разнообразных привилегированных группах.

Как отмечает финский исследователь Юкка Гронов, сталинское общество, несмотря на свою эгалитаристскую идеологию, было даже более иерархично, чем вариант советского общества, существовавший в 1960-е годы. Однако уже тогда декларативный эгалитаризм советской системы требовал утверждения в общественном сознании общедоступных и признанных норм массового потребления, которые отражали бы переход к «изобилию», «зажиточности» и «хорошей жизни»⁴.

Привилегированные группы творче-

² Работник народного питания, 1919, №5-6. С.17.

³ Работник народного питания, 1919, №5-6. С.18-19.

⁴ См. Gronow, Jukka. Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia. Oxford — N.Y.: Berg, 2003.

ской интеллигенции, например, возникшие при Сталине, жили в Советском Союзе лучше остальных. И их это, кажется, не смущало. Они были уверены, что достойны всего этого за свои заслуги. Членство в творческих союзах давало право и на продуктовые заказы, и на дома творчества, и на специализированные поликлиники. И, конечно, жилье — режим расплачивался с людьми, которые отвечали за идеологию.

Мой свекор в начале 1960-х стал членом Союза писателей. Некоторое время спустя у них в доме собрались гости. Пришла его мать, а также кто-то, не знакомый с особенностями писательской среды. «А что это значит — быть членом союза писателей?» — спросил этот кто-то. Свекор пытался было что-то наивно объяснить про признание его заслуг и про почетность этого членства. «Это значит, — перебила мать, — что отныне я смогу лечиться в поликлинике Литфонда, ездить в специальные дома отдыха и пользоваться услугами ателье!»

6.

И, наконец, изучая советское, нельзя забывать о характерной для той культуры и идеологии двойственности, заключающейся в смешении идеального и реального, утопического и практического.

Нет ничего более противоположно быту, чем утопия. Но в советскую эпоху утопическое сознание было частью повседневной жизни. Движение к утопическому идеалу являлось целью общества, причем целью, которая не была просто навязана сверху, но и приветствовалась снизу. Именно постоянное присутствие этого идеала позволяло людям мириться со многими неудобствами и тяготами повседневности, относиться к ним, как к чему-то временному и сохранять идеалистические настроения, явно

находившиеся в противоречии с тем бытом, в который люди были погружены.

Считается, что официальная советская пропаганда идеализировала и приукрашивала быт, а потому задача исследователя состоит в том, чтобы противопоставить быт и идеологию. Достаётся и произведениям искусства, например, знаменитому фильму Пырьева «Кубанские казаки». Однако и эта идеология, и это искусство тоже были частью повседневной жизни советских людей, формируя их отношение к миру, потребности, идеалы и бытовое поведение. Проблема состоит не в том, чтобы показать, насколько картина жизни, изображенная в этих произведениях, расходилась с повседневным опытом, а в том, чтобы понять, почему, несмотря на столь очевидное противоречие, подобные фильмы и книги пользовались успехом.

Как объяснял А.В. Луначарский, не обязательно показывать то, что есть: важно, чтобы читатель или зритель получил представление о том, что будет, что в итоге получится.

«Представьте себе, что строится дом, и когда он будет выстроен, это будет великолепный дворец. Но он еще не достроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете: “Вот ваш социализм, — а крыши-то нет”. Вы будете, конечно, реалистом, вы скажете правду: но сразу бросается в глаза, что эта правда на самом деле неправда. Социалистическую правду может сказать только тот, кто понимает, какой строится дом, как строится, и кто понимает, что у него будет крыша. Человек, который не понимает развития, никогда правды не увидит, потому что правда — она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда — это завтраш-

ний день, и нужно видеть ее именно так...»⁵

Границы между мифом и реальностью в советском коллективном сознании не только условны, но и подвижны. Картина советской жизни включала в себя то, что должно быть, то, что есть и то, что будет, — и всё это существует одновременно. Утопическая мечта воплощается в практику, а утопия превращается в реальность. И с этого момента она перестает быть утопией. Утопия растворяется в реальности и сама постоянно эволюционирует.

Литературовед Юрий Щеглов, анализируя романы Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», обращал внимание на то, что «оптимистический настрой романов обеспечивает... двухъярусное строение их мира. Идеальные сущности истинного социализма занимают в нем иерархически-доминирующее положение, образуя уровень, на котором многие из несовершенств советского образа жизни снимаются или обезвреживаются. Оказывается, что детали «земного социализма», представляющие собой столь неутешительную картину, не могут считаться главной или окончательной реальностью, и что точка зрения раздраженных ими людей, хотя по-своему и понятная, не есть последняя инстанция о производимом в России грандиозном эксперименте. Над этой точкой зрения, в разреженных сферах истинного социализма, открывается возможность иного, более широкого взгляда на вещи, более высоких требований к жизни, более интересных представлений о счастье»⁶.

5 Луначарский А.В. Социалистический реализм. В сб. А.В. Луначарский о театре и драматургии. М.: «Искусство», 1958. Т.1, С.735.

6 Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова.

В советскую эпоху утопическое сознание было частью повседневной жизни. Движение к утопическому идеалу являлось целью общества, причем целью, которая не просто навязана сверху, но и приветствовалась снизу. Именно постоянное присутствие идеала позволяло людям мириться со многими неудобствами и тяготами повседневности, относиться к ним, как к чему-то временному и сохранять идеалистические настроения, явно находившиеся в противоречии с тем бытом, в который люди были погружены.

Американский историк Стивен Коэн в книге о возвращении жертв ГУЛАГа отмечает стремление значительной части из них восстановиться в коммунистической партии. Многочисленные интервью, которые он собрал у «возвращенцев», свидетельствовали о том, что эта потребность была вызвана не только конформизмом или страхом перед новыми репрессиями, а представлением о том, что участие в «коммунистическом строительстве» — это часть нормальной жизни советского человека⁷.

Коммунистический проект в начале 1960-х всё еще был органической частью советской культуры.

Его разложение и дискредитация, нараставшие в последующие годы, были предзнаменованием распада советского образа жизни как такового.

Спутник читателя. – 3 издание. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. С. 12.

7 См. Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. М.: АИРО, 2011.